

Александр Дмитриевич Апраксин

Три плута

Александр Апраксин

Три плута

«Public Domain»

1915

Апраксин А. Д.

Три плута / А. Д. Апраксин — «Public Domain», 1915

«Иван Павлович Смирнин занимал маленькую скромную должность помощника бухгалтера в одном из крупных банков. Тянул он свою ляжку, как и большинство его товарищей, изо дня в день, от одного первого числа до другого; жалованья ему полагалось около восьмидесяти рублей в месяц. Однако в то время как большинство его благоразумных товарищей помнило поговорку: „По одежке протягивай ножки“, – он никогда не умел сводить концы с концами, да еще злобствовал на жестокость судьбы и требовал, чтобы она подчинялась его воле, а не он – общему порядку вещей...»

© Апраксин А. Д., 1915

© Public Domain, 1915

Содержание

I. Первый соблазн	5
II. В капкане	10
III. Третий плут	15
IV. Ольга Николаевна	18
V. Злоба и месть	23
VI. Ранний визит	27
VII. У прокурора	31
VIII. Допрос	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Дмитриевич Апраксин

Три плута

Роман из столичной уголовной хроники

І. Первый соблазн

Иван Павлович Смирнин занимал маленькую скромную должность помощника бухгалтера в одном из крупных банков. Тянул он свою ляжку, как и большинство его товарищей, изо дня в день, от одного первого числа до другого; жалованья ему полагалось около восьмидесяти рублей в месяц. Однако в то время как большинство его благоразумных товарищей помнило поговорку: «По одежке протягивай ножки», – он никогда не умел сводить концы с концами, да еще злобствовал на жестокость судьбы и требовал, чтобы она подчинялась его воле, а не он – общему порядку вещей.

Завистливая досада Смирнина разжигалась ежедневно перебиранием на его глазах целых кип процентных бумаг, так как он служил в отделении приема вкладов на хранение известного банка «Валюта». Здесь сдавались на хранение акции, облигации, закладные листы, серии и всякие такие бумаги, с которых обладатели их стригут купоны. Вороха этих ценностей переносилась от одной конторки к другой, и все служащие обращались с ними столь свободно, будто это были стопы газетной или оберточной бумаги. Все здесь привыкли к этим листам, как прохожий привык к богатствам столицы, которых с улицы с собой не возьмешь, и каждый забывал ценность, представляемую этими бумагами, а смотрел на все это именно как на бумагу, на товар.

Смирнин никак не мог добиться в себе этого равнодушия. Чем значительнее бывали суммы, проходившие через его руки, тем более злился он на свое неумение соразмерять желания и потребности с получаемым за труд вознаграждением.

Ему случалось перебрать разных процентных листов, акций и облигаций на сумму до двухсот или трехсот тысяч рублей и тотчас вслед за тем самому подойти к одному из товарищей с просьбою:

– Выручи, голубчик, одолжи до первого хоть три целковых!

Он давным-давно задолжал на службе всем, у кого только можно было перехватить. Между прочим, в отделе вкладов был вахтер-процентщик, и ему Иван Павлович с месяца на месяц переписывал вексель, а из ссудо-сберегательной кассы забрал большую долю того, сколько могли выдать ему за двумя поручительствами.

Однако о том, чтобы работать усиленно, приискать *себе* вечерние занятия, Смирнин не думал. Он рассчитывал на случай и ждал такового. Ему казалось, что должна же когда-нибудь измениться к лучшему его участь и свершится наконец чудо.

Однажды в марте, получив за всеми вычетами на руки не восемьдесят с чем-то, а всего двадцать шесть рублей, Иван Павлович со вздохом сокрушения вскинул на ладони эти монеты и подумал: «Ну, разве хватит этого на все нужды?»

И в самом деле: за квартиру и стол с него ждали тридцать два рубля; прислуге в меблированной комнате он тоже задолжал, не только за исполнение ее прямых обязанностей, но еще и за покупку ему булок к чаю и за фунт свечей. Прачке он уже второй месяц оттягивал платеж. Дома, стало быть, его все ждали. Если он принесет деньги, все приятно улыбнутся ему; если же нет – его выселят с бранью и вполне заслуженными посулами.

«И какие нынче все нахалы! – думал он. – Никто ни в чье положенье войти не желает! Никому нет дела, до чего мне трудно! Каждый думает только о самом себе!»

Подобная философия живехонько довела Смирнина до отчаянного решения:

– Да я с ними так же поступлю! Очень мне нужно еще голову ломать! Скажу, что ничего не получил, а завтра возьму свои пожитки, дам в другом месте задаток и съеду. Закон не позволяет силою удерживать вещи первой необходимости. Я эти порядки хорошо изучил.

Выйдя по окончании служебных занятий, в начале шестого часа вечера, на улицу, он сел на извозчика и скомандовал:

– К Полицейскому мосту!

Смирнин любил ресторан, прислужничество подобострастных официантов, пенное пиво, прямо разливаемое из бочонка. Он избрал себе такое убежище, где все это можно было иметь, и заглядывал туда почти всякий раз, когда был при деньгах. В избранном им ресторане жизнь, в особенности днем, кипит с шумом, поспешностью и быстротою, напоминающими большой железнодорожный вокзал во время остановки поезда. Суэта тут усиливается до головокружения от двенадцати до двух часов пополудни и вечером после театров. Зато около пяти-шести часов вечера обедающих не слишком много. Клиенты этого заведения – все больше иностранцы, немцы и евреи, притворяющиеся немцами, а иногда англичанами или американцами. Речь тут слышится тоже больше иностранная, с гнусавым или гортанным произношением, с картавостью или шепелявостью. Народ там от полудня до двух часов собирается коммерчески-деловой, конторский, из всяких гешефтмахерских контор, из обществ, страхующих жизнь, из числа биржевых мелких зайчат, еще не добравшихся до первоклассных ресторанов Кюба, Донона и Контана или Пивато, но уже ушедших от закусывания стоя перед прилавком Доминика. Лакеи, запыхавшись, с лицами, мокрыми от струящегося пота, и с глазами, вылезавшими из орбит, так и мечутся из стороны в сторону, исполняя получаемые приказания. Поминутно слышатся оклики, требования, стук ножом о тарелку или об опустевшую пивную кружку.

Смирнин явился во время затишья. Он прошел к окну и занял столик, спросив официанта:

– Ну, что у вас к обеду?

Однако меню не соблазнило его: как назло, было два блюда, которых он не любил, – солонина и курица.

– Ну, это все не то, – сказал он официанту, – закажи-ка мне лучше порцию холодной лосося с провансалем и хороший венский шницель, да пива бокал подай сейчас светлого и два бутерброда: один – с паюсной икрой, другой – с языком.

– Сию минуту-с.

Затем все пошло своим чередом: голодный Смирнин набросился на бутерброды и мигом уничтожил их, так что поданных двух не хватило и потребовались другие. Но он нарочно заказал себе первое блюдо холодное, чтобы не долго ждать, и, когда ему подали рыбу, даже улыбнулся от радости аппетитному розовому куску рыбы. Смешанная с гарниром и провансалем лососина оказалась превкусною, и была опрокинута вторая кружка светлого пива. Стало разом очень весело, и все горести хоть временно позабылись.

Вдруг кто-то подошел к нему и протянул ему руку. Иван Павлович поднял глаза и, увидев перед собою знакомого франта из «восточных» людей, очень обрадовался ему.

– А, Назар Назарович! – весело сказал он, здороваясь с подошедшим. – И вы сюда зачастили?

– Бонжур! – ответил Мустафетов, армянин, и пояснил: – Наш брат везде ходит, нашему брату везде надо быть. А место у вас за столом свободно?

– Как видите. Садитесь!

– Ну, что вы кушали, Иван Павлович, и вкусно ли вам подавали или нет? – спросил Мустафетов.

– Ничего, недурно; я ел лосося, а на второе заказал себе венский шницель.

– А я себе спрошу тарелку супа, шашлык с рисом, побольше только риса, и полбутылки кахетинского красного, которое я у вас тут же пивал, – сказал Мустафетов официанту.

Смирнин смотрел на него с завистью и думал: «Вот этого человека я никак не разберу: всегда в экипажах, всегда с красавицами в ложах, на скачках, всегда с туго набитым бумажником; в компании может тысячу рублей выкинуть за каприз, а в одиночку сплошь да рядом рублевым обедом довольствуется; одевается у лучших портных, вещи носит все настоящие, дорогие, а между тем чувствует мое сердце, что он – плут. Хоть бы научил меня, право, своему искусству!»

Мустафетов, заказав себе обед, обернулся к Смирнину и спросил его в упор:

– Как дела в вашем банке «Валюта»?

– Вот если бы вы спросили, как мои личные дела, то это было бы понятно, – поправил его Иван Павлович, – а то дела банка «Валюта»! Да там все новые кладовые строят: места для вкладов в старых не хватает.

– А еще говорят, что в России денег нет и достать их негде! – с пренебрежением проговорил на это Мустафетов.

– Достать действительно мудрено.

– А вам хотелось бы?

– Понятно, хотелось бы!

– Дело легче, чем вы думаете, Иван Павлович; только не стоит из-за пустяков мараться: надо полмиллиончика раздобыть и поделить между собой.

Смирнин выпятил глаза, а Мустафетов спокойно вытер ложку салфеткой и налил себе из мисочки в тарелку суп, после чего самым безмятежным образом стал есть.

Он ел свой горячий суп и молчал, чем приводил в немалое смущение Смирнина, даже испугавшегося от мысли раздобыть полмиллиончика. Наконец Иван Павлович решился спросить:

– Вы что же, пошутили?

– Нет, – спокойно ответил Назар Назарович, – я очень серьезно и давно подумываю о вас. Только здесь не время и не место распространяться об этом. – Он вздохнул, поглядел в окно на оживленное движение Невского проспекта и сказал как ни в чем не бывало: – Хорошая пора наступает: весна идет, все оживает, пробуждается. Даже и в Петербурге выдаются хорошенькие деньки, хотя у нас здесь это непрочно. Поэтому-то вот всякий, кто может, покончив счета с зимним сезоном, спешит на юг России, в благодатный Крым, или за границу ловить настоящую весну.

Смирнин на это лишь скорбно заметил:

– А я еще никогда нигде не был, кроме Петербурга и Москвы.

– Неужели? – удивился Мустафетов. – Впрочем, ведь и я еще не бывал за границей. Да меня и не тянет: я люблю Россию, почти не знаю иностранных языков... Ну, а вот вы-то с вашим образованием!..

– Я не только нигде не был, но мне и вообще навряд ли суждено когда-либо дожидаться в жизни счастья.

– Почему?

– Да средств своих нет никаких; добрые родители сами догадались все прожить и в долгах умереть, а с неба денежки не валятся... Наследства в виду тоже не имеется.

Мустафетов вперил взор в лицо собеседника, точно изучая его черты, и, видимо, обдумывал свое. Но ему подали шашлык с рисом, и он обратил все внимание на второе блюдо своего несложного обеда. Так же, как и с супом, он обходился и с этим спокойно и, лишь когда все доел, проговорил:

– Да, действительно, с неба капиталы к вам на колена не свалятся. Но если вы сами твердо знаете это и все-таки продолжаете желать очень больших денег, то нельзя же тратить время попусту, сидеть сложа руки и только охать да вздыхать. Это ведь получается по системе перзрелой девицы, ожидающей суженого.

Смирнин кисленько улыбнулся и прежним удрученным голосом спросил:

– Но что же делать прикажете?

Армянин помолчал и неожиданно спросил:

– Скажите, пожалуйста, Иван Павлович, какую должность занимаете вы в банке «Валюта»?

– Помощника бухгалтера.

– Так-с, так-с! Помню, вы уже раз говорили это мне. И, если не ошибаюсь, вы состоите одним из помощников бухгалтера в отделении приема вкладов на хранение?

– Совершенно верно, Назар Назарович!

– Вы рассказывали, что на вашей обязанности лежит записывание приносимых вкладов в особую квитанционную книгу. Так ведь? Ваши занятия в этом отношении не изменились еще?

– Все так, все по-прежнему.

– Что ж, это отлично!

– Почему же отлично? По-моему, тоска убийственная и досада вечная от перечня чужих богатств!

– А что же, разве большие богатства через ваши руки проходят?

– Бывают огромные! Сотни тысяч, случается, по одной квитанции вносятся одним лицом.

– Почему же вы говорите это таким удрученным голосом? – с иронической усмешкой спросил Мустафетов. – Мне кажется, чем больше сумма отдельной квитанции, тем лучше.

– Да, лучше для вкладчика, но мне-то какая от этого польза или какое удовольствие? Одно только подтверждается – собственное бессилие рядом с этим правом на все житейские радости.

– А вам очень хочется денег? – спросил вдруг Мустафетов, не спуская взгляда своих черных глаз со Смирнина.

– Как же не хотеть! До смерти хочется! Так хочется, что иной раз я даже думаю: не лучше ли убить себя? Хоть всем мучениям конец!

– Ну, это – чепуха, это вы из головы раз навсегда выкиньте! Человек, которому в голову такая чушь лезет, неизлечимо болен, и в его распоряжении только два выхода: либо своего добиться, либо и впрямь все прервать, даже жизнь, постылю без удовлетворения главного желания. Но так как я против самоубийства вообще, считаю его и грехом, и подлостью, то остается спасти вас деньгами. Знаете, молодой человек, чего вам, собственно, недостает для достижения желанной цели? Только инициативы и энергии. Решитесь хоть у меня позаимствовать и того, и другого, тогда добьетесь лучшего.

– Все это столь же соблазнительно, сколь и загадочно. Объяснитесь, пожалуйста, определеннее, а то я ничего не понимаю.

– Непременно объяснюсь, только не здесь. Вы кончили, и я покончил; давайте рассчитаемся да пойдем, – предложил Мустафетов и, когда все было исполнено, уже на улице продолжил: – Ко мне ведь близехонько, на Конюшенную. Я и лошадей своих отпустил, чтобы после обеда пешком пройтись. А скажите, Иван Павлович, вы не припомните, какая самая крупная сумма вклада принята вами на хранение в течение последних двух месяцев?

– Прекрасно помню, Назар Назарович: полмиллиона рублей, состоящие целиком из четырехпроцентной государственной ренты.

– Бумага хорошая, – одобрительно усмехнулся Мустафетов. – Вот мы сейчас дойдем и до моей хаты, а там я вам сделаю, быть может, одно подходящее предложение.

Иван Павлович с боязливым любопытством молча следовал за Мустафетовым, но у подъезда уже не мог более совладать с собою и спросил:

– Вы в самом деле затеиваете что-нибудь серьезное, Назар Назарович?

– Делами я никогда не шучу, да, полагаю, и вам не до шуток, – строго ответил на это Мустафетов. Затем, обращаясь к швейцару, распорядился: – Пока этот барин у меня, никого не

пускать; всем говори, что я уехал; конечно, кроме Ольги Николаевны. Ну-с, прошу покорно! – обратился он опять к Смирнину.

Но и в своей «хате», которая оказалась роскошно убранной квартирой, Мустафетов не сразу приступил к пояснениям, а приказал слуге подать чаю.

Смирнин сидел как на угольях.

– Успокойтесь, – обратился к нему Мустафетов, заметив это чрезвычайное волнение, – мое дело от вас не уйдет; от вас зависит последнее слово, быть ему или не быть.

Слуга поставил на стол множество самых разнообразных сластей, до которых Мустафетов был великий охотник, подал чай и удалился.

– Вам покрепче или средний? – спросил гостя Назар Назарович, наливая чашку.

Смирнину было решительно все равно. Разве это теперь могло интересовать его? Но, чтобы ответить хоть что-нибудь, он рассеянно проговорил:

– Средний, пожалуйста.

Мустафетов, методично продолжая свои хозяйские обязанности, передал гостю чашку, пододвинул к нему некоторые коробочки со сладостями, затем позаботился о самом себе и лишь тогда спросил:

– Квитанционные книги, стало быть, постоянно бывают в ваших руках, Иван Павлович?

– Постоянно. Но в чем суть?

– Вы все еще не догадываетесь?

– Как же я могу догадаться?

– Странно! Я, кажется, давно догадался бы. Дело очень просто! Я хочу предложить вам следующего рода небезвыгодную комбинацию: этот вклад четырехпроцентной государственной ренты на полмиллиона, который вы сравнительно недавно вписывали в книгу, надо будет нам получить.

Смирнин побледнел – до того стало ему жутко и холодно от охватившей его разом лихорадочной дрожи.

II. В капкане

Мустафетов, заметив силу произведенного на гостя впечатления, постарался вывести его из состояния столбняка. Он достал из внутреннего бокового кармана сюртука бумажник и стал рыться в нем так, что собеседнику сразу бросились в глаза пачки крупных сторублевых кредиток. От этого зрелища Иван Павлович только завистливо вздохнул. Не обращая внимания на это, Мустафетов разложил на столе хорошо знакомый Смирнину большой лист бумаги с крупно отпечатанными наверху словами «Вкладная квитанция» и спросил:

– Мне хотелось бы знать, Иван Павлович, такие ли квитанции выдаются у вас в банке «Валюта» на любые суммы, даже и на полумиллионные?

– Все из одних книг, хотя бы вклад был на целый миллион или на два, – ответил Смирнин.

– Так что вот этот номер наверху, означающий порядок страницы по книге, лицом, вписывающим вклад в книгу, всегда ставится от руки? Не правда ли?

– Да, всегда от руки. У нас квитанционные листы потому не пронумерованы печатно, что при записи легко может произойти ошибка, и тогда пришлось бы выдавать квитанции с пометками, что, конечно, нельзя допустить; зато при отсутствии номера мы просто уничтожаем испорченный лист и выдаем новый.

– Отлично-с! Ну, а книги у вас в банке не подразделяются по суммам вклада? Нет ли у вас, например, одних книг на сотни, других на тысячи, третьих на десятки тысяч, а там уже на сотни, что ли, тысяч?

– Книг у нас, конечно, много, и каждая из них под литерой, – пояснил Смирнин. – Вот и на вашей вкладной квитанции под номером значится литера «К»; это означает: ищи в книге «К», а номер является номером порядковой страницы. Но так как мы записываем иногда одновременно за несколькими столами вклады нескольких лиц, то каждый из служащих нашего отделения берет для записи первую попавшуюся под руку свободную квитанционную книгу. Вследствие этого вы можете найти в каждой отдельной книге записи самых разнообразных сумм: сто рублей рядом с миллионом.

– Отлично-с! – еще раз одобрил Мустафетов. – Ну-с, слушайте меня теперь внимательно и будьте со мною откровенны. Из всего, что я уже знаю от вас, я вижу, что вам надоела жизнь мелкого банковского служащего с лишениями и неудовлетворенными желаниями. Вы хотели бы разбогатеть деньгами, но боитесь ответственности; не то ведь не нравственные же принципы уважения чужой собственности удерживали бы вас на трудовом поприще?

Смирнин конфузливо молчал.

– Напрасно, батенька, стесняетесь со мною! Вы имеете дело с человеком, который осуждать вас не станет. У меня взгляды на нашу современную жизнь более практичные, нежели моральные, и я горжусь тем, что открыто признаю это пред вами. Когда у человека нет ни охоты, ни умения трудиться, а есть только желание наслаждаться, пользоваться благами мира, – ему остается завоевать себе эти радости смелостью и умом.

– Довольно мудрено.

– Конечно! Оттого-то и мало удальцов вообще, да и среди них мало удачников, потому что действовать только храбростью недостаточно, а требуются огромное соображение и даже осторожность, и знаете – почему? Осторожность необходима для предотвращения опасности, отвага же нужна для исполнения задуманного. Но сейчас дело не в том. Скажите мне лучше: какую сумму желали бы вы иметь, чтобы стать раз навсегда на ноги?

– То есть как? Не понимаю.

– Очень просто! Если бы сегодня, например, я сказал вам: «Я нашел средство спасти вас от прозябания на восьмидесятирублевом жалованье в банке и жду только, чтобы вы сами

определили, сколько вам для этого нужно?», – что бы вы ответили мне? Прошу заметить, что спасение я понимаю без малейшего с вашей стороны риска.

– Чтобы иначе направить всю мою жизнь, – с тоскою в голосе сказал Смирнин, – мне кажется, на первое время было бы достаточно тысяч десять, пятнадцать.

– Немного! Ну, а что бы вы затеяли, получив эту сумму?

– Прежде всего я заплатил мои долги; их у меня наберется около тысячи рублей. Потом я отлично оделся бы. Жил бы я не в комнате, а нанял бы себе и отделал бы свою собственную хорошенькую, уютную квартирку. Дотом я завел бы знакомства получше, приглашал бы к себе иногда на винт и на закуску начальника нашего отделения вкладов; может быть, даже мне удалось бы войти в дом к кому-нибудь из наших директоров. Меня все полюбили бы; я бы всех роскошно принимал у себя. А покушать-то да попить вкусненько, кто не охотник? Вот бы меня и повышали да повышали в должности!

– Скромные же ваши желания! А я на все эти мечты скучающего помощника бухгалтера скажу вот что. При самых экономных условиях вы свои денежки прожили бы через два-три года и, как бы вас ни полюбили ваши начальники, вы в это время могли бы получить повышение должности рублей на двадцать пять в месяц и через три года были бы опять в таком же положении, как сейчас. По-моему, это не дело.

– А как же по-вашему?

– Вот по-моему-то и нужна смелость! – внушительно ответил на это Мустафетов. – Смелость требуется завоевателю, даже в помыслах, даже в мечтах, то есть прежде всего – в пожеланиях. Пожелайте себе сразу полтораста-двести тысяч – это я еще понимаю: на такую сумму действительно можно поправиться.

– Эх, Назар Назарович, да ни двухсот, ни десяти, ни пятнадцати тысяч я нигде не достану; украсть же у нас в банке, во-первых, нет физической возможности, а во-вторых, попадешься – и еще хуже после будет.

– Зачем красть? Что за отсталый, устарелый и некрасивый прием! Да и зачем же попадаться? Все это лишнее. В данную минуту я только настаиваю на том, что уж если решаться брать, то лучше столько, сколько нужно для полного своего обеспечения.

– И двести тысяч прожить можно! – с явным недоверием заметил Смирнин.

– Прожить можно и миллионы! – ответил на это Мустафетов. – Но двести тысяч я, по крайней мере, считаю за сумму, которая действительно поможет человеку подняться. Молодой человек, как вы, может много пыли в глаза пустить с такими деньгами. Тогда нетрудно будет пробраться в круг очень богатых людей и подцепить себе хорошую невесту... с вашей заманчивой наружностью да в ваши молодые годы можно такую партию, а затем такую карьеру себе составить, что все директора «Валюты» и сам председатель банка станут вам завидовать.

Смирнин смотрел на Мустафетова, как полудикий простак смотрит на чарующего его кудесника-факира; его глаза искрились, и от соблазна заманчивого будущего у него начало сосать под ложечкой. Наконец он сказал:

– Все мечты, пустые мечты!

– Нет-с, не мечты, а самая настоящая действительность. Захотите – и все у вас будет! Я вам за это ручаюсь. Только сумейте точно и спокойно исполнить одно мое поручение. Больше от вас ничего не потребуется.

– Какое же поручение, Назар Назарович?

– Подождите. Прежде всего я должен разъяснить вам полнейшую для вас безопасность придуманного плана атаки на банк «Валюта». В моем предприятии должно быть три участника: вы, я и еще один молодчиниче – главный исполнитель. Если даже он попадется, то это – такой человек, что скорее умрет, нежели выдаст нас.

– Да в чем же суть?

– К вам у меня два поручения. Во-первых: принесете мне сюда подробную выписку из квитанционной книги того вклада на полмилльона, о котором вы говорили. Ведь по дубликату в книге вы легко найдете это?

– Положим, найду. А потом?

– А потом вам надо вырезать из квитанционной книги один чистый лист и тоже принести мне сюда.

– Это опасно.

– Стало быть, будьте осторожны, – заметил Мустафетов. – Но имейте в виду, что больше никакого вмешательства в исполнение моего проекта от вас не потребуется, а за такие пустяшные две услуги вы получите около двухсот тысяч рублей в полную свою собственность. И на вас никак подозрение даже упасть не может, вы будете в стороне.

– Что же вы предпринимаете? – спросил, опять трясаясь от страха, Смирнин.

– Вы еще не поняли? Странно. Я предпринимаю самое простое и, несомненно, верное дело. Но не хотите ли еще чашечку чая? Чай у меня идеальный: я сам любитель! – предложил Мустафетов своему взволнованному гостю.

– Нет, благодарю.

– Ну, как угодно. Итак, вы все еще не догадались, в чем состоит мой план? Я хочу получить из банка этот заманчивый вклад государственной ренты на пол-милльончика и разделить самым добросовестным образом сумму на три доли: одну – вам за чистый лист квитанционной книги и выписку вклада, другую – мне, а третью – тому смельчаку, руками которого мы с вами чужой жар загребем.

– Но как же это?

– Гораздо проще, нежели вы думаете. Впрочем, осуществление моего замысла не должно вас заботить. Ваше дело и просто, и ясно: я жду от вас точную выписку на простом клочке, хотя бы почтовой, бумаги, даже карандашиком, и чистый квитанционный лист. Остальное устроится само собою. И заметьте еще вот что: не больше как через неделю дело будет окончено, вклад получен и вы положите себе в карман, или, правильнее сказать, в особый портфель, ни более ни менее как третью часть этого почтенного вклада, что составит свыше ста шестидесяти тысяч рублей чисто ганчиком. Надеюсь, эта перспектива достаточно заманчива?

– А если мы попадемся?

– До получения денег ни в каком случае! Скажу вам даже больше: ни вы, ни я никогда в подозрении быть не можем. Мною все вперед обдуманно, и рискует один человек. Но это такая голова, такое сокровище, что он откуда хотите выйдет сухим из воды: неустрашим и находчив, как сатана. Впрочем, я познакомлю вас с ним. Приезжайте ко мне завтра прямо со службы, привезите то, что я вам сказал, и тогда я еще кое-что открою. Кстати, мы здесь и пообедаем.

– Все это хорошо и соблазнительно, но меня все же беспокоит опасность дела, – неуверенным тоном заметил Смирнин.

– А если я говорю вам, что опасности никакой нет? Разве вы не сумеете вырезать из книги лист так, чтобы никто не увидел? Разве потом кто-либо во всем мире сможет доказать, что именно вы вырвали и передали на сторону эту страницу? Я же дам вам самую полную гарантию вашей личной безопасности. Ту выписку, которую вы завтра принесете сюда, наш третий компаньон при вас же спишет, а вы свой клочок бумаги можете по выходе из этой квартиры уничтожить, сжечь. Во всяком случае, могу уверить вас еще раз, что ни вам, ни мне решительно никакой опасности не предстоит даже при неудаче замысла.

– Это все легко говорить!

– И очень легко понять! Ну, допустим самое скверное, а именно, что наш компаньон попадется. Ведь вы-то тут при чем? Какие данные, что именно вы, а не кто другой, вырвал из книги и отдал ему этот квитанционный лист? Знать вы ничего не знаете и ведать ничего не ведаете! Вы будете продолжать ходить на службу да посиживать за своим столом от десяти до

пяти часов и спокойно ожидать, пока я не скажу вам: «Готово!» Тогда милости просим за получением вашей доли! Сумма-то, батенька мой, какая! Я вам опять-таки повторяю: вот поправка на всю вашу жизнь! Положитесь смело на меня и действуйте, только спокойно, хладнокровно, безбоязненно. Ну, подумайте хорошенько: разве весело постоянно нуждаться?

– Хорошего мало! – вздохнул Иван Павлович.

– Ну, вот то-то же и есть! Вот вам небось и портной кредита не оказывает, и часов при вас нет, и портсигарчик у вас сомнительного качества, а не настоящий, украшенный драгоценными вензелями друзей, искренне почитающих вас. Чувствуете вы себя, наверное, всегда стесненным, точно пристыженный или приниженный. За какой-нибудь пустяк, за грошовый долг, уплатить который вы и в самом деле не можете, вам говорят дерзости, с вами обращаются грубо, как с преступником. Квартирные хозяйки смотрят на вас, как на вора; прислуга дерзит вам! Ну, а имейте вы деньги, да еще большие, – всюду вам почет, уважение; наперебой все стараются угодить вам: с ваших уст жадно ловят всякое ваше слово; женщины начинают замечать только ваши достоинства, не видя недостатков: вас они находят и красивым, и умным, и щедрым, и великодушным. Эх, батенька мой! Берите-ка с меня пример! Я вот всю жизнь живу такими разными делами. Всю Россию я изездил, во всех наших курортах перебивал, каждый порядочный город изучил, денег на своем веку уйму прожил, но никогда ни от кого наследств не получал. И что же? Как сами изволите видеть, я ни в чем никогда не попадался, а живу самому себе в удовольствие и добрым знакомым в поучение. Неужели же вы полагаете, что я избрал вас для вашей и своей собственной гибели? Да если вы попадетесь, так меня, конечно, беречь не станете, а с головой выдадите. Эх вы!

Последние слова более всего убедили Смирнина, и он сказал уже уступчивее:

– Понятно, какой же вам расчет меня в петлю втравливать да самому со мною в уголовное дело впутываться?

– То-то и есть! Вы, стало быть, соглашаетесь? Давно бы так!

– Рискну, попробую! – Смирнин встал из-за чайного стола, прошелся по столовой и потом, остановившись в другом конце комнаты, сказал: – Уж очень тяжело мне живется! Никакого просвета нет! Запутался я в мелких долгах и выхода не вижу. Помилуйте! Сегодня вот при выдаче жалованья вместо восьмидесяти четырех рублей, причитающихся мне по штату, получил всего двадцать шесть, из которых около четырех в ресторане сейчас проел. Хоть домой не показывайся! Пойдут опять скандалы, истории с хозяйкой, придется на другую квартиру бежать, задаток сунуть да снова обманом тянуть со дня на день все ту же отвратительную ляжку. До чего мне все это опротивело, вы себе и представить не можете!

– Не скажите! Отлично могу, – и, точно в доказательство последних слов, Мустафетов достал из внутреннего кармана сюртука бумажник и, вынув в него сторублевый кредитный билет, с улыбкою на устах сказал: – Очень даже ясно могу представить себе особую неприятность вашего положения и в доказательство своего сочувствия к вам прошу принять от меня сей портретец императрицы Екатерины Великой.

– Помилуйте, Назар Назарович...

– Нет, уж со мною не стесняйтесь; я если даю, так берите. Имейте в виду, что я тогда только даю такие суммы, когда вполне уверен в успехе дела. В этом я ручаюсь, а в вас отныне верю, как в себя.

– В таком случае принимаю и сердечно благодарю! – ответил Иван Павлович, просияв от радости, и, немного помолчав и подумав, спросил: – Так вы советуете мне завтра же без дальнейших размышлений доставить вам выписку из книги и чистый квитанционный бланк?

Он так произнес теперь этот вопрос, что Мустафетов сразу распознал в тоне его голоса как бы повторение обещания, только что данного пред тем, и, тоже встав, протянул руку:

– Считаю дело между нами решенным. А теперь поезжайте, развлекайтесь; если хотите, кутите даже, но пока слегка, и помните, что вы на рубеже новой жизни. Через неделю подобные

сотенные бумажки будут вам уже нипочем. А мне теперь надо еще кое-чем подзаняться. Жду вас завтра, вскоре после пяти, прямо из банка, ко мне обедать.

Они расстались, по-видимому весьма довольные друг другом.

Мустафетов, входя в свой роскошный кабинет, думал: «Давно слежу за тобой, голубчик! И ведь как верно разгадал тебя: ленив, глуп, прожорлив, бесхарактерен; стало быть, на все способен, кроме упорного труда, а такого именно в данном случае и нужно».

Но вдруг его взоры перестали скользить с предмета на предмет и остановились на портрете молодой женщины или девушки, висевшем над письменным столом.

Это был портрет Ольги Николаевны, относительно которой он дал исключительные указания своему швейцару, когда вернулся к себе со Смирниным из ресторана. Он подумал немного, взглянул на часы и позвонил. Немедленно явился слуга и остановился на пороге кабинета.

– Сбегай к Роману Егоровичу, – приказал ему Мустафетов, – и попроси его немедленно ко мне по важному делу. Да еще раз подтверди внизу и скажи кухарке Домне, чтобы решительно никого, кроме Ольги Николаевны, ни в каком случае ко мне не допускали.

– А если Романа Егоровича дома не будет, как позволите там у них сказать? – осведомился слуга на всякий случай.

– Я знаю, что он дома. Ступай!

III. Третий плут

В ожидании того, за кем он послал слугу, Мустафетов продолжал жадными глазами впитываться в портрет Ольги Николаевны. Он мысленно дополнял фотографию, и постепенно перед ним все ярче, нагляднее, почти до осязаемости обрисовывался образ стройной, видной и красивой девушки.

Сам Назар Назарович уже несколько лет продолжал давать себе сорок первый год, хотя был много старше. На людях он довольно удачно подбадривался и предпочитал показываться при вечернем освещении, нежели днем, так как яркое солнце чересчур явно выдавало сомнительность цвета его черных волос, усов и бороды. Одевался же он всегда безукоризненно и держался в обществе с высоко поднятой головой. Но в одиночестве, в стороне от каких-либо наблюдений, он уже часто сознавал себя стареющим и по временам начинал ощущать упадок перерасходованных сил. Впрочем, и было же им пожито!

Устал он в особенности за последний год, с момента увлечения Ольгой Николаевной.

Эту девушку – продукт современной избалованности и полнейшей беспринципности – Мустафетов ревновал со всею страстью своей крайне безнравственной натуры, опасющейся измены, вероятно, вследствие все приближавшейся старости. Он мог целыми днями мечтать об обладании ею, хотя полной близости между ними еще не существовало.

На сей раз эти мечты были прерваны в сладчайшие минуты их течения приходом посетителя. Это был Роман Егорович Рогов.

– А, пришел! – радостно обратился к нему Мустафетов. – Вот и отлично! Садись и слушай!

Рогову было тоже уже лет за сорок пять. Среднего роста, с поредевшими волосами на макушке, но с густой бородой и юркими глазами, он производил впечатление энергичного и весьма живого человека. Голос у него был несколько резкий, речь скорая и манеры торопливые, нервные. Он сел в указанное кресло, а Назар Назарович принял свою любимую позу, полулежа на огромном диване, и беседа началась.

– Или дельце подвернулось? – спросил Рогов.

– Не только дельце, а целое дело! – ответил на это Назар Назарович и, не приступая к сути, спросил: – Твои фонды как? Все еще плохи или успел где-нибудь раздобыться?

– Хоть шаром покати! – воскликнул Роман Егорович и широко заулыбался, точно это было чрезвычайно весело. – Сегодня старьевщику-татарину продал брюки за два с четвертаком. Обедал весьма скромно, папирос купил, чая восьмушку и сахара фунт.

– Стало быть, если бы сейчас случай представился, ты и за работу не прочь бы приняться? – спросил Мустафетов.

– С увлечением! – живо ответил Рогов и вдруг серьезно сказал: – За себя я не унываю: видел я и похуже виды! А вот что плохо: ровно месяц, как не могу собраться отправить домой хоть четвертной билет. Такие письма мне, брат, пишут жена да дочка, ой-ой! – Его лицо омрачилось, Впрочем, только на минуту: он сейчас же снова весело заулыбался и заключил свою речь, следующим: – А все-таки раскуси ты и объясни толком бабий рассудок. Ведь пока я полтора года отсиживал, они мне туда, в предварительное, носили и жареное и пареное, а вот как вышел, так и не могут без моей помощи обойтись.

– Неужели ты им с момента твоего оправдания так ничего и не посылаешь? – поинтересовался Мустафетов.

– Ну вот еще! – воскликнул Рогов. – Твои же деньги, которые ты мне дал, я с ними пополам разделил. Да ошибка моя главная в том, что я своих преждевременно в Москву отправил. Новое-то мое дельце сорвалось, вот они и застряли; не то тут вместе жили бы, все полегче было бы.

– Интересно, чем бы они здесь тебе помогли? Для настоящего дела только связали бы! – решил Мустафетов. – Ну, впрочем, этот вопрос мы пока оставим. Вот в чем суть: мне требуется твое искусство. Гравер ты идеальный, и это даже эксперты на последнем твоём судьбище признали.

– Оценка без лести!

– И хорошую ты придумал шутку такое мастерство изучить!

– У меня, видно, от рождения талант уже был! – веселее и словоохотливее прежнего ответил Рогов. – А всякому свое: музыкант ли, художник, поэт – каждый совершенствуется до возможных пределов по-своему. У меня, например, дар подражать чужим почеркам сказался еще в детстве: я уже в школе подмахивал под руку любого учителя так, что ни один из них отпереться не мог. И по каллиграфии я всегда был первый. Пишу я двадцатью различными почерками. А когда я с жизнью столкнулся, то понял, что на свете чем больше у кого денег, тем тому лучше; раскинул я умом и решил так: применять свои способности к тому, чтобы самому других каллиграфии обучать да на суде в качестве эксперта выступать по делам о подлогах, – выгоды мало, этот труд плохо оплачивается. Лучше дойти до настоящей виртуозности по граверной части да самому подлогами заняться.

– Похвально! – одобрил Мустафетов, несколько гордившийся тем, что всегда под рукою держал такого виртуоза. – А вот чтобы поощрить тебя, не угодно ли с завтрашнего же вечера за работу сесть?

– Рад стараться! Только почему же завтра, а не сегодня? Так ведь ленивцы говорят.

– Постой, не дури, а слушай. Я должен предупредить тебя, что дело очень сложно и далеко не легко.

– Тем для меня интереснее, тем занятнее и лучше! Ведь ты мне, Мустафа-паша, давно говорил, что готовишь нечто грандиозное. Я давно жду. Пора, пора! Ну, рассказывай же!

– Да, комбинация у меня грандиозная, и по смелости, и по верности удара, и по сумме, намеченной мною. Участников всего трое, и капитал мы разделим, стало быть, поровну, на три доли.

– Правильно. Кто третий?

– Помощник бухгалтера из «Валюты».

– Эва куда метнул!

– Да. И знаешь на сколько? Ровно на полмиллиончика! Какова штука?

– Конфета аппетитная. И план у тебя уже весь обдуман, все подготовлено, только за мною дело? – спросил Рогов.

– Иначе я тебя не звал бы. К чему попусту тревожить? Но теперь попробуй умерить свои восторги и внимай. Тебе придется заготовить себе документ для свободного проживания во всех городах Российской империи на имя помощника присяжного поверенного. Называться ты будешь Борисом Петровичем Рудневым. Когда документ будет изготовлен, тебе придется выкупить заложенные вещички, конечно, на мои деньги. Затем приготовишь приличный сундук багажа и поместишься где-нибудь в номерах, где, разумеется, так уж и пропишешься – помощником присяжного поверенного Борисом Петровичем Рудневым.

– Хорошо-с. А потом?

– Это нужно нам для получения тобой из участка удостоверения личности.

– Так не проще ли тогда прямо сфабриковать удостоверение личности? – предложил Роман Егорович.

– Нет, не лучше.

– Почему же? Объяснись – не понимаю.

– По самой простой причине, – со спокойной уверенностью ответил Мустафетов. – Ведь из участка выдаются удостоверения на особых печатных бланках, подделать которые без шрифта мудрено, а украсть еще труднее...

– Ты забыл, – перебил его опять Рогов, – что у нас нет формы вида на жительство помощника присяжного поверенного.

– Нет, не забыл. Я заготовил. Вот не угодно ли? Читай! – Мустафетов достал из среднего вытяжного ящика четвертушку бумаги и, пока Рогов пробежал ее глазами, пояснил: – Эту копию я сам собственноручно снял с подлинного документа.

– Где это тебя угораздило?

– Ничего нет проще! – засмеялся Назар Назарович. – Я поехал к одному знакомому помощнику присяжного поверенного, сказал ему, что мой племянник только что окончил курс в Казанском университете и хочет приписаться для практики к петербургскому судебному округу, и добавил: «Покажите или скажите, какие требуются документы, ну и, кстати, что же вам взамен их на руки за бумажку дают?»

– Ловко! Но ведь удостоверение-то тоже, вероятно, на бланке было выдано?

– Да, на бланке; но дело в том, что бланк простой, с одним заголовком сбоку, и ты его кое-как тушью от руки смастеришь, тогда как удостоверение из участка целиком напечатано в полтора десятка строк, и оставлены только промежутки для указания имени, отчества, фамилии, месяца и числа.

– Да, вот оно что! Ну, хорошо-с, допустим, что бланк мы составить сумеем не тушью, а литографской краской, – сказал Рогов. – Но что же на нем-то напечатано было?

– Все это у меня в точности обозначено на обороте. Переверни страницу и вникни.

– Ах да, на обороте! – и Рогов принялся знакомиться с копией.

– Ну, что же, берешься? – спросил Мустафетов, когда тот опустил руку с бумажкой.

– Ничего нет проще. Сейчас же домой схожу за своими орудиями. Только ведь для этого самого бланка нужно приобрести литографский камень. На нем я выведу печатные буквы литографской краской в таком совершенстве, что никому и в башку не взбрдет заподозрить, никто никогда не отличит их от настоящих типографских.

В этот момент из передней донеслось дребезжание электрического звонка.

Мустафетов сразу сильно побледнел, вытянул вперед шею и стал прислушиваться с затаненным дыханием. По легкому трепету его губ было видно, что сердце у него учащенно забилося. Он угадывал, чувствовал, кто приехал, так как ясно расслышал не только отпирание входной двери слугою, но и легкое шелковое шуршание канаусовых юбок.

Поспешно, с ловкою поворотливостью, он встал с дивана и, подойдя близко к Рогову, сказал ему:

– Во всяком случае, сегодня начинать поздно; я уже говорил тебе: дело надо отложить до завтра. Извини, сейчас некогда; приходи завтра после десяти часов утра: мы с тобою займемся.

Не успел Роман Егорович ответить, как в кабинет заглянул слуга с докладом:

– Назар Назарович, тут по делам приехали, вас просят-с.

– Проводи туда... в маленькую гостиную... я сию минуту... Доложи, что я сейчас! – распорядился Мустафетов и снова обратился к Рогову: – Если пока тебе деньги нужны, так вот двадцать пять рублей. Купи камень и что нужно! – Он дрожащими от поспешности руками достал из пачки кредиток в бумажнике двадцатипятирублевку и, отдавая ее товарищу, сказал: – Ну, прощай! До завтра. Смотри не опоздай – ровно к десяти утра.

Но Рогов еще задерживал его.

– Всем ты хорош, Мустафа-паша, всем в деле профессор! Ты – умница, каких мало, изобретателен и находчив, смел до умопомрачения, выдержка у тебя во всяком деле просто-таки феноменальная, щедрость при расходах, честность в дележе, все есть. Одна сидит в тебе беда: бабник ты, вот что!

– Да отпусти ты меня, Христа ради! – взмолился, почти задыхаясь, Мустафетов и наконец имел удовольствие видеть, что Рогов ушел.

IV. Ольга Николаевна

Подождав несколько секунд, чтобы успокоилось его волнение, Мустафетов направился в маленькую гостиную, где его ожидала Ольга Николаевна Молотова. Она встретила его стоя, с ласкающей, приветливой улыбкой на устах. Он схватил ее обе протянутые к нему красивые, нежные белые руки, поочередно поднес их к губам и, целуя, сказал:

– Я уже боялся, что сегодня вы не приедете сюда. Я совсем заждался...

– А вот и приехала. Но послушайте, Назар Назарович! Мне надо переговорить с вами об одном очень важном деле. От вашего ответа будет зависеть наша дальнейшая судьба.

Мустафетов так встревожился, что этого нельзя было не заметить, и с целью скрыть свое волнение засуетился: предложил гостье сесть, потом сам опустился в кресло, придвинув его поближе к ней, и спросил:

– Что такое? Что случилось?

Ольга Николаевна совсем переменяла ласковое, приветливое выражение своего более чувственного, нежели красивого лица и, испытующе взглядываясь в него, вдруг, к его ужасу, спросила:

– Какое было у вас дело в Киеве?

Этот человек умел сдерживать себя и всю жизнь вырабатывал в себе силу воли над опасными проявлениями чувств. Он даже отчасти был подготовлен к возможности подобного вопроса, по крайней мере всегда поджидал его. И все-таки сейчас Ольга Николаевна застала его врасплох. Мустафетов почувствовал, как кровь разом бросилась ему в лицо и обагрила его щеки. Ему было досадно, что он так густо краснел, и он искал, как бы опомниться, как бы найтись, что бы лучше ответить. Между тем Ольга Николаевна продолжала в упор и испытующе смотреть на него, ожидая объяснения. Наконец он сказал:

– И до вас дошли эти глупые сплетни! Но, Боже, до чего человечество завистливо и злобно! Я знал, предугадывал, что кто-нибудь придет и выложит пред вами всю эту грязь. Я давно хотел и сам собирался рассказать вам все, да только берег ваш слух и ваше достоинство. Но людям еще мало разыскать грязь и гадость, им надо ее размазывать.

Она невольно улыбнулась реальности его речи и сказала:

– Однако вы выражаетесь...

– Ах, Ольга Николаевна! Не до выражений, когда подлецы, негодяи стремятся отнять у вас все, что вам дорого и мило в жизни.

– То есть? – несколько задорно спросила она.

– Я говорю о вас, конечно.

– Очень лестно! Только вы мне все-таки до сих пор не ответили, чем объяснить ваше дело в Киеве?

Мустафетов уже достаточно овладел собою, а следовательно, надеялся овладеть и положением. Он вернулся к прежнему своему месту, сел как будто успокоенный и заговорил:

– Вы хотите знать подробности? Что ж, извольте! Я посещал один дом. Кроме самых дружеских отношений к мужу и крайне платонической симпатии к жене, в моем сердце не таилось и тени какого-либо иного чувства. Но в этот дом втерлось еще одно лицо с совершенно иными намерениями, и я счел долгом раскрыть мужу глаза с целью предупредить несчастье. Тогда мне отомстили, и отомстили именно те, которым я искренне желал добра. Меня оклеветали в постыдном захвате чужой собственности, чтобы окончательно запятнать мою честь и обезоружить, – меня привлекли на скамью подсудимых. По счастью, правда на этот раз восторжествовала, и я вышел из суда вполне обеленным. Вам, конечно, сказали, что я был торжественно оправдан?

– Мне сказали только, что вас судили за исчезновение каких-то очень дорогих бриллиантов, которых так и не нашли, а чем кончился ваш процесс, мне, признаться, не говорили.

– Какая низость! Какая ужасная подлость! Вы должны открыть мне имя того, кто это передал вам. Я уничтожу этого человека, я раздавлю его, задушю собственными моими руками!

– Да разве он сказал неправду? И что странного в его словах? Пред человеком произносят ваше имя, он узнает, какую вы роль намереваетесь сыграть в моей жизни. Очень понятно, что для него, не знающего вас лично, является столь же естественным, сколь и невольным вопрос: «Не тот ли это Назар Назарович Мустафетов, у которого была в Киеве история?»

– А, я знаю, кто он! – воскликнул армянин, злобно сверкнув глазами. – Это тот молодой смазливый блондинчик, который вдруг, как-то неведомо откуда, неожиданно появился на вашем горизонте и с которым, если я не ошибаюсь, вы вчера вечером изволили вдвоем кататься.

Ольга Николаевна сперва как будто растерялась, но со свойственной ей находчивостью вышла из несколько затруднительного положения, смело ответив на замечание Мустафетова:

– Так что ж тут особенного? Я и с вами, кажется, вдвоем катаюсь.

– А вы знаете, что у этого господина Лагорина копейки нет за душой? Он – нищий и для какой-нибудь одной прогулки с вами в наемном экипаже вынужден вымаливать с унижениями и чуть не на коленях двадцать пять рублей.

Ольга Николаевна помолчала, пристально поглядела на собеседника и, подумав с полминуты, сказала:

– Тороватого от богатого вообще трудно отличить в наше время всяких фальсификаций.

– Это что же? Намек? – Назар Назарович встал, выпрямился и торжественным тоном заявил: – Слава Богу, мое материальное положение достаточно обеспечено. Я мог бы, при вашем согласии, доставить вам жизнь, полную радостей, привольную, свободную и веселую, то есть именно такую, какой вы ищете и хотите.

– Почему ж вы не укажете мне определеннее, чем именно обеспечивается ваше материальное благосостояние? – спросила она вдруг с отчаянной решимостью.

– Наличными суммами! – ответил он с достоинством, даже глазом не моргнув от своего нахальства. – Я сейчас же мог бы удовлетворить ваше любопытство и показать вам итог всех своих капиталов; но я обожду еще одну неделю.

– Почему же еще одну неделю?

– Авось какой-нибудь случай или ваша собственная проницательная наблюдательность помогут вам узнать, кто и что такое господин Лагорин, любящий рассказывать о других пикантные истории. Я не имею его привычки клеветать заглазно, но у меня есть значительные основания предполагать, что свою фальшивую игру он не замедлит обнаружить пред вами.

– Что ж, подождем... Неделя не Бог знает сколько времени.

– А теперь, – предложил Мустафетов, стараясь перейти на более веселый тон, – продолжим пока наши добрые, дружеские отношения, будто между нами ничего не произошло. Для начала пожалуйста мне вашу красивую, холеную ручку.

Казалось, Молотова и сама была рада, что он сумел придать резкому разговору более удобный оборот. Она предоставила в его распоряжение свою правую руку и не сопротивлялась даже тогда, когда он, усевшись с нею рядом, перевел свои поцелуи с руки на ее шею. Отогнув только голову в сторону, она слегка ежилась, смеялась и говорила:

– Мне щекотно... Ваши усы...

Оба тогда засмеялись, а общий смех окончательно примирил их.

– Дайте мне чаю, – попросила она, – или еще лучше вот что: прикажите подать мне чего-нибудь пить. Пошлите за фруктовой водой.

– У меня и дома найдется: я ведь ваш вкус знаю, – произнес Мустафетов и вышел распорядиться, а потом, приняв заказанное от слуги, сам налил ей стакан.

Ольга Николаевна утолила жажду и сказала:

– А знаете, что теперь было бы хорошо? Я была бы очень рада, если бы вы увезли меня куда-нибудь. Не сидеть же нам вдвоем весь вечер.

– Куда угодно, хоть сейчас!

– Так распорядитесь насчет лошадей.

– Через четверть часа коляска будет у подъезда. Сейчас велю запрягать.

Пока запрягали лошадей, разговор шел веселый, несколько шаловливый, отчего поминутно раскатывался звонкий смех молодой девушки.

Когда они вышли на улицу, уже наступил вечер – один из тех чудных мартовских вечеров, в которые уже чувствуется приближение весны. Фонари уже все были засвечены, электричество весело сияло из окон магазинов на Невском. При отсутствии ветра дышалось свободно, температура, понизившаяся после дневной оттепели до точки замерзания, после сумерек оставалась неизменной. Воздух казался особенно живительным.

Ольга Николаевна больше всего в жизни любила роскошь, комфорт и негу, и чем беспомощнее становилась ее вконец разорившаяся на нее мать, тем неудержимее увлекалась сама она грезами и мечтами о жизни в полном довольстве. Теперь она полулежала в удобной коляске и сознавала себя красивой, изящной, грациозной. Мягко катившийся дорогой экипаж на резинах, мерные удары конских копыт и взгляды осматривавших ее встречных – все это тешило ее мелкое самолюбие.

Сперва даже разговор плохо вязался у нее с Мустафетовым. Только выехав уже на набережную, он спросил:

– Ну, а что же ваши мечты о театре, о драматической сцене? Должно быть, так это и останется мечтами?

Молотова встрепенулась, несколько выпрямилась и, отклонившись от спинки сиденья, обернулась совсем лицом, чтобы ответить:

– Мои мечты осуществляются гораздо скорее, нежели вы думаете. Вы, конечно, знаете Заемкина, драматического писателя? Да? Так я вчера была у него. Ведь он наш давнишний, знакомый. Он, в сущности, первый-то и открыл во мне искорку, которую потом признал прямо талантом. Он мне и советовал еще в прошлом году посещать курсы...

Мустафетова сразу стало терзать ужасное чувство ревности. Он знал о том, что Ольга ходила куда-то учиться выразительному чтению и декламации. Всегда почему-то ему представлялось, что в этой «школе» должна царить особая свобода нравов, и ему страшно становилось от невольного подозрения, что Ольга Николаевна, наверное, бывала менее сдержанна с каким-нибудь кандидатом на роли «первых любовников», нежели с ним.

Теперь, пока она говорила, он делал невероятные усилия, чтобы подавить в себе мучительное чувство и суметь промолчать. Она же, вероятно не замечая того, что с ним творилось, а быть может, и нарочно, лишь бы еще более разжечь его страсть к ней, пожалуй забавляясь его ревностью, продолжала:

– Так вот вчера Заемкин подверг меня целому испытанию. И знаете, какой он смешной? Представьте себе, он меня ставил в позы и все говорил: «Пластика имеет огромнейшее значение! Вы грациозны!»

«Подлец! – чуть не крикнул вслух Мустафетов, но опять победил себя и только мысленно продолжал: – Эдакая мерзкая каналья! Видит, что она хороша, и давай ее во все стороны пред собою вертеть, сластолюбиво разглядывать! Знаем мы этих ценителей и знатоков искусства!»

А Молотова рассказывала:

– Заемкин говорит, что для сцены недостаточно быть красивой женщиной, даже и при таланте, а надо еще быть пластичной актрисой, то есть уметь красиво играть. Пластика в актрисе – это та чарующая красота манер, которая гипнотизирует зрителя.

– И что же, вашею красотою манер он остался очарован? – спросил Мустафетов дрожащим голосом, сам чувствуя, как злоба перекашивала ему рот.

– Он совсем в восторг пришел. Можете себе представить, что он предложил мне? Он хочет написать новую пьесу специально для меня и устроить мне дебют будущей осенью на Александрийской сцене.

– Врет он вам все! Пьесу он хоть и напишет, да не свою, а выкрадет с немецкого или с французского по своей подлой привычке, – прорвался-таки Мустафетов со всею своею неудержимою ревностью и враждою к воображаемому, а быть может, и действительному сопернику. – Ваш Заемкин – профессиональный плагиатор и вор, нахал, каких в острог сажать бы надо, а он юбилеи справляет, и его портреты печатают. У него ни одной своей собственной вещи на сцене нет. Драматург! Скажите пожалуйста!

– Однако вы красноречивы! – заметила Ольга с расстановками, придававшими особую силу ее словам. – Только вы несправедливы и сами довольно слабый судья театрального дела: ваши клеветы голословны. Разве сами-то вы знаете те немецкие и французские пьесы, из которых Заемкин, по вашим словам, кроит свои русские? Это вы вычитали в какой-нибудь газете. Или вы, может быть, так хорошо изучили европейскую драматическую литературу?

Вопрос был не в бровь, а прямо в глаз. Ольга ударила Мустафетова по самому больному месту: он, кроме русского да армянского, ни одного языка не знал, а потому и за границу никогда не ездил. Нанесенная ему рана была столь жестока, что он не выдержал и, не останавливая кучера, выскочил из медленно въезжавшей на мост коляски и только угрожающе прошептал:

– Помните же!

Уже не в первый раз происходили подобные сцены между Ольгой Николаевной и Мустафетовым. Когда его разбирало чувство ревности, в особенности из-за ее стремления идти туда, где каждому «актеришке» (как он выражался) разрешено было обнять ее стан, лобзать ее щеки, – он доходил до такого иступления, что готов был собственными руками схватить ее за горло и задушить. Но все же в подобные минуты у него пока еще хватало духа бежать, страшась самого себя, своего гнева, и он поступил именно так и на этот раз.

Между тем, очутившись одна в чужой коляске, Ольга Николаевна сперва только подумала: «Как это глупо! Расстроилась вся прогулка!» И она приказала кучеру, видимо уже привыкшему к самым эксцентричным выходкам своего барина:

– Отвези меня домой!

Вернулась она к себе недовольная, расстроенная, не в духе, с желанием чем ни на есть отомстить Мустафетову за то, что он так долго тянул, предполагая завлечь ее даром, без женитьбы, и не делал даже намека на «честное» предложение.

Дома у себя Молотова была деспотом, и ее мать более прислуживала ей, нежели руководила своею избалованною дочерью. С удивлением встретила старушка ее раннее возвращение, но участливые расспросы только сердили Ольгу, которая досадовала на даром пропавший вечер, так как одной никуда ехать нельзя было, а к ним теперь никто уже, ввиду позднего времени, не придет. Она бесцельно переходила из комнаты в комнату, то присаживаясь к разбитому пианино и пробуя играть, то берясь за книгу и опять бросая ее. Наконец она придумала выход и у себя в комнате написала две записки.

Первая была на имя Мустафетова:

«Ваши бурные сцены утомили меня. Объявляю Вам, что впредь я готова принимать Вас только в качестве моего *жениха*, причем день нашей свадьбы должен быть назначен немедленно, не позже как через две недели. В противном случае не трудитесь более приезжать к нам, так как я не желаю быть скомпрометированной Вами и иначе устрою свою судьбу.

О. Молотова».

Вторая записка гласила:

«Приходи, глупый, и не бойся ничего! Сегодня его у меня не будет, а мамы я несколько не стесняюсь: я ей наврала, что ты получил огромное наследство, и она говорит: „Что ж, давай Бог! Лишь бы честным человеком оказался!“ Пренаивная она у меня, право!»

Эта вторая записка была адресована Анатолию Сергеевичу Лагорину.

Молотова отправила свои письма со служанкой, причем приказала добиться от Лагорина точного ответа, а у Назара Назаровича только отдать слуге по парадному и ни в каком случае с ним ни в какие рассуждения не вступать. Потом, по-видимому чрезвычайно довольная принятым решением, она облеклась в мягкий, красиво обрисовывавший ее формы, фланелевый капот и стала ждать.

У. Злоба и месть

Между тем Мустафетов, хотя и вскоре остыл от своего гнева против Молотовой, продолжал кипеть ненавистью против тех, кого считал своими соперниками. Эта злоба не могла погаснуть в нем, а, напротив, чем более он вспоминал о том, как произошла ссора, тем мучительнее разбирала она его.

Злил же его более всего не Заемкин с его теорией о пластике (его он считал за глупого шарлатана, прикармливающего себе путем плагиатов чужой литературный талант и труд). Нет, его злил Лагорин, осмелившийся рассказать Ольге о деле в Киеве.

«Я уничтожу этого щенка! – мысленно грозился армянин. – У меня и план уже созрел. Посмотрим, что-то тогда она заговорит! Не надо откладывать! Если мстить, так сейчас же. И я каждому на свете, на ком только она когда-либо остановит свой взор, кому она только хоть раз приветливо улыбнется, устрою такую каторгу, что голубчик не возрадуется, а ее же на семи соборах проклянет. А мстить мы умеем так, чтобы никто никогда и распознать не мог руку, наносящую удар. А что удар будет веский и на всю жизнь след оставит – за это я ручаюсь. Сначала мне надо щенку лапы перешибить, потом мы и ее скрутим. Только бы мне добраться до нее, победить это ломанье в ней, тогда я за все отмщу, за все ее подлые издевательства над моим чувством».

Он взял извозчика и уже сказал, куда его везти, но вдруг раздумал и решил, что лучше сперва побывать дома. Может быть, он втайне надеялся на примирительные известия от Ольги Николаевны, даже рассчитывал найти ее у себя?

Когда он приехал домой, записка Ольги к нему еще не была послана. Получив от слуги на все расспросы отрицательный ответ, Мустафетов снова страшно рассердился, круто повернулся и, спускаясь с лестницы, осыпал проклятиями девушку, которую думал, будто бы любил, тогда как она просто раздражала его чувственность.

Он снова сел на того же извозчика и наказал везти себя на Петербургскую сторону. Там, в узенькой улице, он приказал остановиться у калитки маленького дома с тремя окнами на улицу, плотно прикрытыми двустворчатыми ставнями. Лишь только он вошел в калитку, на него тотчас, словно бешеная, с лаем набросилась собака. Он вздрогнул и прижался было в страхе к стене, но при свете дворового фонаря убедился, что пес на цепи и его достать не может, и постучался у крылечка.

Долго не створяли. Наконец до слуха Мустафетова донеслось хлопанье дверьми, а потом и приближение шагов внутри домика. Старческий, как бы скрипучий, мужской голос окликнул: – Кто там?

– Не беспокойтесь, Герасим Онуфриевич, это – я, – ответил самым успокоительным голосом посетитель.

– Да кто вы? По голосу нешто я обязан узнавать всех? Кто такой?

– Назар Назарович Мустафетов.

– Назар Назарович! Так вот оно что! Не ожидал! Милости просим, милости просим... – И дверь раскрылась, но все-таки осторожно, понемножечку, не вдруг. – Не расшибитесь, – предупредил старческий скрипучий голос, – у меня темно в сенях-то: я без свечи вышел. Как бы не оступиться вам, тут приступочек.

Когда вошли в комнату, освещенную дешевенькою лампою, Назар Назарович снял цилиндр, но оставался в своем длинном модном пальто.

– Здравствуйте. Я ведь к вам, Герасим Онуфриевич, по делу, – сказал он.

– Так-с, так-с, – ответил старик, лет шестидесяти пяти, бритый, сухой, одетый весь в черное, даже со старинным высоким черным фуляровым платком на шее. – Понятно, что вы ко мне без дела не пожалуете... Зачем попусту и себя, и людей беспокоить?

– Только я сяду, – решил Мустафетов. – Садитесь-ка и вы! У вас тут никого нет? Нас не услышат?

– Никого, никого, – ответил старик. – Прислуги, как знаете, не держу. К чему? У меня дворник всем заправляет. Так чем могу служить?

– Запишите-ка себе для памяти прежде всего вот что, – сказал Мустафетов, – Анатолий Сергеевич Лагорин. Записали?

– Готово-с. А затем?

– Ну, а теперь слушайте! Завтра потрудитесь отправиться в адресный стол, возьмите об этом гусе справочку, потом отправьтесь к нему и предложите следующее. Вы скажете ему, что слышали, будто он нуждается в деньгах, что знаете состояние его родителей, живущих в своем имении под Киевом, и доверяете его честности. Скажите ему, что ваша специальность помещать небольшие суммы за приличные проценты у молодых людей хороших фамилий. Он теперь влюблен, я знаю, в деньгах нуждается, как рыба в воде, и, конечно, чрезвычайно будет рад вашему предложению.

– Предположим, что будет рад. Ну, а дальше в чем заключается дело? – спросил Герасим Онуфриевич.

– Вот когда вы увидите, что ваше предложение ему действительно по сердцу, то скажите ему так: «Я могу дать вам пока триста рублей; но так как точный срок уплаты вы сами определить, конечно, не можете и нам нет нужды портить вексельную бумагу, то вы подпишите на оборотной стороне, где обыкновенно ставятся бланки, ваше звание, имя, отчество и фамилию. А в течение недельки я вам еще тыщонку подготовлю, и тогда, пожалуй, мы настоящий форменный документ составим. Бояться же вам буквально нечего, так как все равно по закону векселечек ведь не может быть написан на сумму выше бланка». А бланк вы ему подсуньте всего на четыреста рублей. Да еще скажите ему, что у вас со всеми такое правило.

На лице Герасима Онуфриевича отразилась хищническая улыбка. Он сразу понял, чего от него требовали. Злорадная улыбка блуждала по его лицу от предвкушения того блаженства, которое вызывало в нем исполнение всякой подлости с причинением кому бы то ни было мучений. Он подумал и задал вопрос:

– А не лучше ли предложить к подписи вексельный бланк с напечатанным текстом? Пускай господин Лагорин собственноручно заполнит пробелы.

– Зачем же это?

– А тогда молодчик скорее поверит тому, что документ ни в каком случае не пойдет на высшую сумму.

– Вы отгадали мою мысль, но не совсем. Сторона текста должна оставаться чистой, а на бланковой стороне мне требуется целиком его подпись.

– Для какой же это надобности? – спросил старик.

– А вот зачем, – сказал Мустафетов и, передавая три сотенных кредитки старику, продолжал: – Когда он согласится – а уговорить его, я полагаю, не трудно, – вы ему тут же и выдадите вот эти триста рублей. А когда он деньги возьмет и, конечно, очень обрадуется им, заставьте его дать вам слово приехать завтра же к вечеру сюда, к вам, под предлогом свидания с лицом, которое по вашей рекомендации одолжит ему еще тысячу рублей сроком хоть на полгода.

– Ну, он приедет, – вопросительно проговорил старик, – я с ним запрешь на полчаса, а займодавец он у меня никакого не застанет.

– Разумеется! – одобрительно подхватил Назар Назарович. – Нам только нужно иметь явные улики, – что Лагорин был у вас такого-то числа и месяца.

– Значит, свидетелей надо будет подставить, очевидцев? – снова усмехнулся старик. – Ну, это дело пустяковое: дворник мой пускай тут находится и при входе, и при выходе гостя. При разговоре, конечно, ему быть не надо. Да я его за Петровым пошлю, а когда Петров явится, я пошепчусь с ним, как будто он и есть процентщик, согласный дать тысячу рублей, да покажу

ему молодого человека – пусть Петров вторым очевидцем будет. Дело так можно обставить, что Петров под присягу пойдет.

– Ну вот, теперь вы меня окончательно поняли! Вы скажете Петрову, что вот, мол, приехал к вам совсем незнакомый человек с просьбой учесть ему вексель. Ну, чей бы, например? Лицо надо брать в Петербурге известное. Лучше всего кого-нибудь из спортсменов. Возьмем хоть графа Козел-Горского – имя популярное.

– Хорошо-то хорошо! Но ведь мой Петров тоже не дурак: за такой векселек он с аппетитом ухватится.

– Учить мне вас, что ли? – чуть не вспыхнул Мустафетов. – Точно не от вас зависит ему такие условия предложить, от которых он откажется.

– Конечно, от меня, – согласился Герасим Онуфриевич. – Стало быть, повести себя я должен таким манером, чтобы ваш Лагорин думал, будто я с Петровым говорю о новой тысяче рублей для него и под его собственную подпись, а Петров должен быть уверен, что сей молодой человек предлагает приобрести от него вексель по предъявлению всего на четыреста рублей от Козел-Горского. Верно?

– Вы – гениальный помощник в делах! – воскликнул вполне довольный Мустафетов. – Стало быть, между нами все ясно. Завтра же утром вы даете Лагорину деньги и получаете от него бланковую подпись на чистом вексельном листе не свыше четырехсот рублей, после чего условливаетесь с ним, в котором часу он приедет к вам. У себя вы устраиваете все так, как сказано, затем, когда Петрова вы доведете до отказа, вам надо в Лагорине, напротив, поддерживать надежду и даже уверить его, что кредит ему вы откроете широкий.

– А чистый листочек с его бланком я должен вам доставить? – спросил старик.

– Да, на очень короткое время. Я верну его вам с заполненным текстом, и вы уведомите графа Козел-Горского о поступлении в вашу собственность, – по передаточной бланковой надписи господина Лагорина, его векселя по предъявлении на четыреста рублей.

– Сильно задумано! – сказал Герасим Онуфриевич и хихикнул, будто его щекотнули.

Он дрожал, точно в спазме сладострастия, при чудовищной мысли о страшном злодеянии, хотя оно совершалось против совсем не ведомого ему и ни в чем пред ним не повинного молодого человека. Но иссохший в ненасытной жажде золота скупердьяй старик ненавидел всем своим существом молодежь, потому что страстно завидовал ей. Мстил же он всем, кто когда-либо имел в нем нужду и брал у него деньги, чтобы жить и веселиться, так как самому ему ничего в мире не надо было, кроме сухой корки, при его жадности все загребать лапами и запирать под замки.

– Да, да, – бормотал он со злобою, – мы с вами дельце оборудуем, а граф Козел-Горский, я полагаю, здорово возмутится, что на него векселя по четыреста рублей в оборот по городу пускают. Он, конечно, сейчас же отопрется: «Знать не знаю, ведать не ведаю!» Ну, а мы с вами тогда, Назар Назарович...

Но Мустафетов перебил его:

– То есть не мы с вами, а вы один, Герасим Онуфриевич, отправитесь к прокурору.

– Ах, вот даже как! Я полагал, что юнец нам за фальшивый векселек в четыреста рублей подаст своих настоящих ровно настолько, за сколько киевское именьице его родителей с молотка могло бы пойти.

– В данном случае мне не именье слопать надо, а самого субъекта, – ответил Мустафетов. – Этот подлец стоит мне на дороге! Не драться же мне с ним на дуэли! Он запустил в меня комок грязи, так я же его теперь всего вымажу, да еще так, что ему в жизни не отмыться.

– Дуэли глупости! – подтвердил скряга. – Убивают тело одни только дураки; врагам надо мстить, убивая их душу, а тело подвергая мучениям. Хе-хе-хе...

– Все это прекрасно, Герасим Онуфриевич. Но сколько вы возьмете с меня за такое удовольствие?

– С умного человека, да еще за такое дело, я дорого не спрошу, – прокаркал старик. – Тут дело мести, а не удовольствия и не прожигания жизни, к чему только и способна вся эту шушера, современная молодежь! Она таких людей, как я, Плюшкиным или Гарпагоном называет, ростовщиком, процентщиком ругает, потому что сама только пировать умеет. Я бы каждого из таких голубчиков на медленном огне, на жаровне с раскаленными угольями поджаривал да солью присыпал им раны. Им бы все наслаждаться, лакомиться, сластолюбовствовать.

– Перестаньте ругаться и раздражаться, Герасим Онуфриевич, и вспомните, что я и сам все вкусное люблю.

– Вы-с? Конечно, все может быть, но вы сила и всю эту мелюзгу, эту мразь человеческую, сами ненавидите и на каждом шагу причиняете ей всякое зло. Я за это вас еще уважать могу. В каждом умном деле я всегда ваш помощник и доказывал вам это еще раньше.

– Так сколько же? – снова поставил вопрос о вознаграждении Назар Назарович. – Не могу же я за все ваше уважение ко мне требовать от вас бесплатных услуг; тут все-таки разъезды, трата времени, беспокойство, хлопоты.

– Сказано верно-с! Даром ничего ни от кого требовать нельзя-с. Но тоже и дорого я с вас брать не хочу. Дело совсем с моими взглядами согласуется, ибо всех этих гуляк-кутил давно в омут пора. Возьму я с вас всего пятьсот рублей, да и те в рассрочку: сто рублей завтра дадите, когда я привезу вам бумажку с бланком, сто рублей – когда молодчику капкан накинём, ну, а триста, когда уже совсем его песенка до конца спета будет.

Мустафетов опасался худшего. Он дал свое согласие и на прощанье протянул старику руку. Тот принялся благодарить его, будто и в самом деле ему был дан приятный заказ и он с удовольствием провел время.

– Спасибо вам, спасибо! Порадовали меня одинокого. А то вот любят они все меня старым пауком называть. Так ведь прозвище и оправдать не мешает. Если в сети мои муха залетит да запутается – уж тогда не прогневайся: всю кровь по капельке высосу.

Но Мустафетов уже не слушал его.

Дома он нашел записку Молотовой, внимательно прочитал ее, спрятал и, значительно успокоенный, решил: «Теперь, голубушка, подожди! Через недельку ты другую песенку запоешь. И натешусь же я над тобой, когда овладею, ой-ой!»

VI. Ранний визит

Следующий день Назара Назаровича был переполнен многотрудными заботами. С утра к нему явился Рогов для изготовления себе вида на жительство помощнику присяжного поверенного Борису Петровичу Рудневу. Работал он в кабинете. Мустафетов сидел около стола и следил за мастерским выполнением своего заказа.

Но вдруг приехал Герасим Онуфриевич. В это время Мустафетов не ждал его, а потому раннее, необусловленное посещение старика несколько встревожило его. Но старый негодяй тотчас же предъявил ему вексельный бланк, на обороте которого была надпись: «Губернский секретарь Анатолий Сергеевич Лагорин».

– Стало быть, успешно? – обрадовался Мустафетов. – И без особого труда?

Герасим Онуфриевич уселся и стал рассказывать, как ухватился за его предложение молодой человек, как охотно подмахнул свою подпись на оборотной стороне чистого вексельного бланка и как охотно поверил, что это нужно ввиду неизвестности срока уплаты. Наконец, Лагорин обещал быть у Герасима Онуфриевича непременно в этот же день после службы часам к пяти, а потому старик и завернул прямо от него к Мустафетову показать свою удачу.

Но Мустафетов хорошо знал алчность негодяя, и ему стала ясна его поспешность получить первую долю обещанного вознаграждения. Поэтому он вручил ему сто рублей и сказал:

– Чтобы выиграть время, известите сегодня же и даже сейчас графа Козел-Горского об учете вами его векселя в четыреста рублей, писанного от сего двадцатого марта по предъявлению.

– Хе-хе-хе! Вот это на курьерских! И обрадуется же его сиятельство такому нахальству! Пожалуй, сам от себя заявит прокурору.

– И пускай! Письмо отправьте ему все-таки после полудня, по почте, но непременно заказным.

Точно тень легла и еще более омрачила пергаментную желтизну лица Гарпагона. Он поджал нижнюю губу, а верхнюю прикусил беззубой нижней челюстью; его приподнятая к подбородку рука затрепетала. Он еле слышно произнес:

– Почтовых марок придется купить...

Мустафетов расхохотался, хлопнул его по плечу, прошел в кабинет и, возвращаясь оттуда, подал ему марки:

– Вот не две, а десять марок. А теперь оформите дело так, чтобы действительно у вас были свидетели.

Старый злодей сразу повеселел.

– Хе-хе-хе! Уж я маху не дам, и мы дня через три-четыре этого розовенького купидошку на веревочке за чугунную решетку засадим, а там не угодно ли и на позорную скамью!

Едва он ушел, Мустафетов вернулся к Рогову и сказал:

– Ну вот, брат, что: окажи ты мне теперь одну важную дружескую услугу. Рассмотря-ка ты хорошенько эту бланковую надпись. Видишь?

– Вижу, что тут написано: «Губернский секретарь Анатолий Сергеевич Лагорин». Но в чем же дело?

– Подожди, не спеши! Можешь ты в качестве гравера-каллиграфа изучить характер этого почерка до такой степени, чтобы, рассматривая другую подпись, сделанную тобой, эксперты признали между твоей подписью и подписью этого самого Лагорина столь явное сходство, что утвердили бы, будто та и другая сделаны одною рукою?

– А на что это тебе понадобилось? – спросил несколько недоверчиво Рогов, и на его лице отразилось не только удивление, а как будто даже страх.

– Неужели ты не понимаешь? Дело, кажется, немудреное! Торчит мне человек поперек дороги, и его убрать надо. В прежние некультурные времена врагу распарывали брюхо кинжалом. Ну, мы стали умнее: если конкурент опасен, самое верное средство – в острог его.

Рогов побледнел и, только этим проявив охватившее его волнение, совершенно спокойно протянул Мустафетову вексельный лоскуток обратно, потом придвинулся снова к письменному столу и, словно желая продолжить прерванную работу, сказал только:

– Я этого не сделаю.

– Как? – даже ужаснулся Мустафетов от неожиданности отказа. – Но почему?

– По самой простой причине: с какой стати стану я губить совсем неведомого мне человека? Мне этот Лагорин ничего не сделал. А если он тебе поперек дороги стоит в каких-нибудь амурных делах, так ты с ним борись как знаешь. Отдавать человека под уголовный суд, да еще безвинно, сажать его в острог за то, что он к бабе подобраться мешает, – это не в моих правилах.

В Мустафетове заклокотала южная кровь. Его рука против воли взяла со стола большой разрезной нож для книг, и кулак уже судорожно сжимал рукоятку. Так и подмывало его ударить со всею силою Рогова за дерзость поучать его и уклоняться от его требований. Но в долгой внутренней борьбе рассудок одержал-таки победу над вспылчивою натурою. Как ни было армянину досадно за то, что Рогов разгадал истинную причину его ненависти к Лагорину, надо было дать скорее делу иной оборот.

– Что ты за чепуху мелешь? – спросил он его наконец, стараясь окончательно подавить свой гнев. – Этот Лагорин не мне одному, а нам всем на пути торчит! Если бы у меня вопрос шел о бабьем деле, то неужели, ты думаешь, я был бы способен так подло устранять его?

Рогов оглянулся на Мустафетова не без сомнения. Тот уловил выражение его взгляда и поспешил добавить:

– Лагорин помешался на полицейском сыске и собирается учредить у нас частное сыскное бюро.

– Вот подлец!

– Вот то-то же и – есть! Да еще какими делами он занимается! Помнишь, год тому назад сослали на поселение Николаева за кражу чрез подкоп из кладовой, а он затем сбежал? Так Лагорин признал его на днях на улице, проследил за ним и выдал его полиции. Теперь Николаеву за побег с поселения усилят наказание и препроводят его обратно, да, конечно, еще дальше!

Роман Егорович побледнел более прежнего и помертвелыми от ужаса губами прошептал только одно слово:

– Мерзавец!

– Он мне лично в глаза хвастал еще на днях: «Мое, – говорит, – высшее наслаждение – проследить тайну преступника, подставить ему ловушку, да целиком и передать, кому о том ведать надлежит». Он это называет защитою общества от хищников. И знаешь, с какой целью он все это делает? Ему хочется обратить на себя внимание и получить хорошую должность в сыскной полиции. Но он даже главного не понимает, что сыск или розыск – одно, а предательство, вроде поступка с Николаевым, – только донос, не требующий ни малейшего таланта.

– Вот животное!

– Ужасное! – подтвердил Мустафетов. – Но я решил никаких трат не жалеть, а избавить всю нашу братию от такого любителя сыскного дела. Подумай, сколько он еще людей погубил, о которых я ничего не знаю. Его необходимо скрутить.

– Необходимо.

– А ты вообразил! Эх, Роман Егорович! Бабьи дела для меня то же самое, что пирожное, ну, а наши вот с тобою занятия – это вся жизнь. Лагорины – наши первые враги. Надо, чтобы он сам по себе отведал острога, этапа да ссылки. Тогда будет знать, как другим капканы расставлять.

– Правильно! – согласился Рогов. – За такую комбинацию могу тебя только по головке погладить. Давай-ка его подпись мне сюда обратно, погляжу-ка я на нее хорошенько. Так-с, так-с! Ну, это мы подделаем за первый сорт: пускай суд триста экспертов созовет, все в один голос скажут, что подлог совершен этим скотом!

Рогов еще долго вчитывался да сквозь лупу всматривался в почерк врага, каковым уже совершенно искренне считал теперь Лагорина. Мустафетов же между тем написал на клочке бумаги текст векселя и от чьего имени документ должен быть написан.

Наконец Рогов заявил:

– Через час будет готово. Теперь уходи и не мешай мне: тут работа серьезная.

Когда в указанное время Мустафетов вернулся в кабинет с вопросом: «Готово? Я, кажется, не мешал», – Рогов торжествующе сказал:

– Полюбуйся! Всмотрись!

Немало еще волнений пережить пришлось в этот же день Назару Назаровичу.

Смирнин, обещавший приехать прямо из банка, не явился к пяти часам, и сомнения, вызванные его отсутствием, вселяли в Мустафетове ужас, потому что в случае его отказа не только все разрушалось до самого основания, но легко можно было себе представить еще худшее. Смирнин, пожалуй, разболтает о сделанном ему предложении и даже, наверное, поступит так с целью выказать свою честность и неподкупность, которые, однако, Мустафетов про себя называл просто трусостью.

Пробила уже третья четверть шестого, и армянин, утратив всякую надежду, приказал подавать обед. Но, как часто бывает, гость явился в ту минуту, когда уже перестали ждать его. Однако обрадованный его приездом Мустафетов прежде всего спросил:

– А главное-то привезли?

– Привез! – кратко ответил тот.

– Вот это хорошо! Сейчас я познакомлю вас с феноменальным молодцом. Пойдемте в столовую: мы ждали, ждали, да наконец и приступить к обеду решились. Господа! Любите друг друга и жалуйте! Оба вы люди крупного дела, и если мы отныне станем держаться втроем, то завоюем мир.

Рогов радостно улыбался и не только протянул, но и пожал руку собеседника, что показало его желание стать с новым знакомым в самые дружеские отношения.

– Моя привычка, – сказал он, – с людьми одного общего дела жить по-братски, и я со всеми на «ты».

– А вот и борщ с ватрушками! Господа, садимся! – предложил хозяин. – За столом мы выпьем круговое братство. Да, дорогие мои гости и товарищи, – продолжал он между едою, – через недельку, не позже, мы разделим на три равные доли полмиллиона рублей, покоящихся еще до поры до времени в кладовой банка «Валюта» в виде листов государственной ренты. У меня все вперед рассчитано, все взвешено и предусмотрено, кроме одного.

– В чем дело? Что именно? – спросили оба гостя.

– Вопрос не во мне, а в вас обоих, – объяснил Мустафетов. – Скажите правду: не закружится ли у каждого из вас голова при получении сразу на руки столь огромного куша? Тут нужна огромная выдержка, и в особенности Ивану Павловичу, которому я прежде всего рекомендую не бросать сразу службы в банке.

– Да я уже кое-что предусмотрел, и, кажется, недурно придумал, – сказал помощник бухгалтера. – Я заявил сегодня товарищам и директору отделения вкладов, что на мою долю выпало крупное наследство и что часть денег душеприказчики обещают выдать мне даже очень скоро, чуть не на днях.

– Это идея! – одобрил Мустафетов. – Итак, мы с тобою, брат Рогов, в душеприказчики попали. Славно!

Все засмеялись, и обед продолжался весело, тем более что все поддавались влиянию хозяина, своим спокойствием доказывавшего полную уверенность в успехе.

VII. У прокурора

Пока у Мустафетова шли переговоры, пересуды, советы да обсуждался план операции, Гарпагон на Петербургской стороне устраивал ту бесчеловечную низость, которой требовал от него Назар Назарович, и непоколебимо шел вперед к намеченной цели.

Разумеется, граф Козел-Горский (известный и богатейший любитель конных состязаний и владелец конюшен) был более нежели удивлен, читая полученное извещение о векселе на четыреста рублей от какого-то совсем неведомого ему лица. Он немедленно же ответил Герасиму Онуфриевичу следующими строками:

«Сим извещаю Вас, что никогда никаких векселей мною не было выдаваемо губернскому секретарю Анатолию Сергеевичу Лагорину, которого я не только лично даже не знаю, но и никогда и в глаза не видал. Вы введены в обман, но я считаю своим долгом поставить Вас в известность, что с целью прекратить разом возможность распространения по городу подложных от моего имени векселей, могущих повредить моему кредиту, я завтра же официально заявлю кому следует о приключившемся».

Гарпагон до того возрадовался, точно граф передал ему все свое огромное состояние. С бьющимся сердцем сел он к столу, и его рука застрочила жалобу прокурору окружного суда.

В ней Герасим Онуфриевич рассказал следующее; служащий Анатолий Сергеевич Лагорин явился к нему с предложением достать ему или дать сроком на два месяца всего триста или четыреста рублей. На это проситель, то есть сам Гарпагон, будто бы ответил молодому человеку, что он его вовсе не знает, что ссудами денег под векселя он вообще заниматься не любит, но что деньги достать, пожалуй, можно было бы, в особенности столь незначительную сумму, если бы господин Лагорин раздобылся в обеспечение совершаемого долга солидным поручительством. На это молодой человек ответил, что граф Козел-Горский должен ему за лошадь четыреста рублей и что у него на эту сумму имеется в кармане вексель, написанный графом на его, Лагорина, имя по предъявлению. Такой документ Герасим Онуфриевич с удовольствием согласился учесть, но, не имея денег, обещал занести их молодому человеку. Действительно, сделка была учинена в меблированных комнатах, где проживает Лагорин. Однако в тот же день, около пяти часов, Лагорин вновь приехал к нему, Герасиму Онуфриевичу, с просьбою учесть у него еще один такой же вексель графа Козел-Горского, но уже в тысячу рублей. Не имея дома такой суммы, старик послал за почетным гражданином Дементием Петровым; но тот наотрез отказался ссудить тысячу рублей и даже не пожелал взглянуть на документ. Лагорин же умолял дать ему еще денег, ссылаясь на громадные расходы, к которым его побуждает некая Ольга Николаевна Молотова, положительно безграничная в своих требованиях. Тогда проситель, у которого явилось легкое сомнение, счел долгом предупредить графа. К жалобе старик приложил следующие два документа: а) вексель и б) письмо графа.

На следующее утро Герасим Онуфриевич отправился к зданию окружного суда, где и без расспросов уже знал ход в камеру прокурора.

Лицо прокурора, принявшего его со строгим вниманием, отличалось и красотой, и вдумчивостью; в особенности хороши были глаза, по временам глубоко печальные и окаймленные от постоянной работы большими темными кругами.

– Что вам угодно? – спросил он.

– Честь имею представить прошение на имя его высокородия господина прокурора окружного суда, – со вздохом, точно он делал это против воли, ответил Гарпагон.

– Позвольте, – протянул руку красивый господин и стал быстро пробегать глазами прошение, причем два раза несколько пылливо взглянул на просителя. – Садитесь, – предложил он и стал читать все внимательно. – Имеете вы еще что-нибудь добавить? – спросил он, опуская бумагу перед собою на стол.

– Решившись на такое дело, молодой человек теперь может и других в соблазн ввести, – ответил старик.

– А скажите, пожалуйста, вы видели у него этот второй вексель в тысячу рублей, с которым он приезжал к вам?

– Как же-с! Своими глазами видел!

Не сводя с просителя строго-внимательного взгляда, прокурор неожиданно спросил:

– Вы – дисконтер?

– Оказываю знакомым услуги на условиях, допускаемых законами.

– За небольшие, значит, проценты?

– Да-с, за небольшие процентки, чтобы никому не в обиду. Я по закону...

– Я вас знаю, – сказал прокурор. – Ведь вы фигурировали в процессе Нерузановых.

Герасима Онуфриевича нисколько не покорило это упоминание. Из этого дела, в котором так же, как и теперь, старый ростовщик, конечно, играл роль потерпевшего, он вышел правым.

Прокурор, еще раз поглядев на лицо просителя в какой-то странной и как бы опечаленной задумчивости, наконец решил:

– Хорошо, ваше дело будет сегодня же передано, судебному следователю.

Гарпагон встал, тяжело вздохнув, но все-таки не уходил. Ему казалось полезным сыграть комедию. Он принял вид добряка, сокрушенного горем постороннего человека, и покашливал, точно не решаясь высказаться.

– Что вам еще угодно? – спросил прокурор.

– Осмелюсь просить, чтобы с молодым человеком было поступлено по возможности менее строго. Жаль его будущности, а кроме того, быть может, у него еще живы родители.

– Поступлено будет по закону, – не допускающим никаких возражений тоном ответил прокурор.

– Мне деньги что!.. Бог с ними! – пояснил старик. – Я ведь одинокий на свете бобыль; да и сумма для меня не особенно крупна. Если я подал жалобу, то лишь потому, что должен же я себя пред графом Козел-Горским оправдать, коль скоро он сам страшает довести до сведения кого следует, а вместе с тем я понимаю, что долг каждого честного человека – охранить и других от, пожалуй, еще большего вреда.

– Судебный следователь вызовет вас, – сказал прокурор и обратился к одному из сослуживцев, так что не оставалось сомнения, что аудиенция окончена.

Тогда Гарпагон низко и смиренно поклонился ему, еще раз скорбно вздохнул, сделал общий поклон и медленно вышел.

А молодой человек, о котором он сейчас так лживо вздыхал, разумеется, ничего не подозревал. Напротив, с легкомыслием, свойственным влюбленной юности, Анатолий Сергеевич Лагорин спешил воспользоваться теми благами, которые были открыты для него по получении трехсот рублей.

Еще накануне Ольга Николаевна весело и кокетливо заявила ему:

– Не думаю, чтобы ты теперь вскоре увидел у меня Мустафетова.

– А что случилось? – спросил Лагорин.

– Случилось то, что я поставила ему ультиматум: либо женитьба, либо прекращение всяких дружеских отношений.

– Говорила ты ему о его судебном процессе в Киеве?

– Конечно! Он ответил, что был оправдан, что вся эта история возникла вследствие вражды, основанной на ревности или на зависти к его большому успеху у какой-то замужней женщины... Впрочем, трудно разобраться и осуждать его, когда он был судом оправдан.

Лагорин постарался заглушить в себе желание противоречить; он только ответил:

– Дай тебе Бог никогда не разочароваться в этом человеке по каким-либо личным поводам.

А на следующий день, довольно еще рано, около полудня, Лагорин прислал Ольге Николаевне прямо со службы записку, умоляя ее ехать с ним обедать. Вечером он спросил ее:

– А что ты подумала сегодня, когда я прислал к тебе из канцелярии курьера?

– Что ж я могла подумать? Я решила, что мой Тотоша – пай-мальчик и начинает входить во вкус хорошей жизни.

– Оля, выйди за меня замуж! – вдруг вырвалось из глубины груди Лагорина.

– Да ты, Тотоша, никак, с ума начинаешь сходить! – расхохоталась она. – Разве может здоровому человеку прийти такой вздор в голову?! Мало я тебе еще объясняла мои взгляды на жизнь? Никогда я подобной глупости не сделаю.

– Ты меня не любишь.

– Если бы не любила, то ради чего стала бы я возиться с тобою? – спросила она. – Состояния у тебя нет!

– У моих родителей хорошее имение: я у них один сын, для меня же они все берегут. И если я скажу им, что не могу без тебя жить, они благословят нас.

– И очень глупо сделают! Я посредственностью не довольствуюсь и, выйдя за тебя, только тебя же сгублю. Не говори глупостей! Целуйся, забавляй меня и себя тещь сколько влезет, но ради этих нежностей не ставь всей моей жизни, да и своей также, на карту.

Лагорин видел в этом особенную загадочность ее смелой натуры, протестующей против общей нормы, но тем более заманчивой, что каждую минуту он опасался потерять ее и признавал ее много опытнее себя.

Ольга Николаевна действительно была опытна в деле флирта, и люди много старше Лагорина, даже такой человек, как Мустафетов, перевидавший виды, по временам подпадали совсем под ее влияние из одного стремления окончательно овладеть ею. Она постоянно поддразнивала. Лагорин же был чист и молод; он не понимал всей глубины нравственного падения и степени развращенности этой себялюбивой девушки.

Вечер двадцать первого марта он провел с нею и ликовал. Они ели, пили, катались; она разрешала ему самые безумные ласки, и они не расставались до рассвета. Наконец, усталые, оба разбитые, они разошлись с уговором вновь встретиться на следующий день.

Эти удовольствия обходились Анатолию Сергеевичу не дешево: он расходовал на экипажи, ресторан около ста рублей в день, да и нервы его расшатывались самым беспощадным образом. Даже сон не возвращал ему покоя и был болезненно прерывист. Ему все мерещилось продолжение страстных бесед наедине с девушкой, парализовавшей всю его волю, все помыслы, все желания.

Полученные от Герасима Онуфриевича деньжонки быстро размотались, а через пять дней утром, когда его разбудили довольно резкими и настойчивыми постукиваниями в дверь, первое, о чем он вспомнил, был опустевший кошелек, валявшийся на ночном столике. В нем оставалось всего восемь рублей.

Но в дверь стучались особенно настойчиво и совсем бесцеремонно. Лагорин понять не мог, чего от него могли хотеть так рано, и громко крикнул:

– Сейчас. Дайте хоть накинуть на себя что-нибудь. Да говорят же вам, сейчас!

Его удивление возросло до чрезвычайности, когда, отворив дверь, он увидел перед собою околоточного надзирателя, бледное лицо коридорного слуги и перепуганного конторщика меблированных комнат.

– Что такое? – спросил он, очень удивленный, но несколько еще не перепуганный.

Околоточный вошел впереди двух провожавших его и в свою очередь задал вопрос:

– Вы губернский секретарь Анатолий Сергеевич Лагорин? Судебный следователь составил постановление о приводе вас в его камеру в качестве обвиняемого по делу о составлении подложного векселя суммою в четыреста рублей от имени графа Козел-Горского.

– Что такое? Ничего не понимаю! – воскликнул совершенно ошеломленный молодой человек.

Околоточный повторил свое заявление и предъявил постановление следователя.

– Но ведь это недоразумение! – снова воскликнул Лагорин, даже улыбаясь – до того сама мысль показалась ему нелепой.

– Там уж у следователя вам придется по порядку показать, – ответил околоточный и, видя, что на Лагорина словно столбняк напал, прибавил: – Уж потрудитесь собраться. Как-никак, а ехать надо.

– Но что же это такое?.. Господи Боже мой, что же это такое? – беспомощно и растерянно повторял бледный Анатолий Сергеевич, хватаясь то за один, то за другой предмет. – Главное ведь то, что я никакого Козел-Горского даже не знаю и в глаза никогда не видал! Разумеется, я слышал эту фамилию, которая часто поминается в скаковых отчетах, но с графом никаких дел не имею... – Но вдруг ему так ясно стало, что произошла просто какая-то путаница, которая, едва он объяснится с судебным следователем, моментально разъяснится, что он сразу почувствовал себя легко и бодро. – Это недоразумение! – сказал он. – Я сейчас оденусь и поеду.

– Уж поехать-то нам с вами вместе придется, господин Лагорин, – сказал околоточный надзиратель.

– Вместе так вместе, – согласился уже совсем успокоившийся Анатолий Сергеевич.

Бодрость духа не покидала его в пути, ни даже в здании окружного суда; томительно было только ожидание, продолжавшееся там очень долго: хотелось все поскорее разъяснить. Наконец его позвали.

VIII. Допрос

Судебный следователь, был еще молодой человек, в особенности по отношению к занимаемому им ответственному посту. Впрочем, он только исправлял должность, и для начала на него возлагались такого рода дела, которые по первому взгляду считались несложными и до простоты ясными.

Лагорин вошел несколько развязно и с выражением уверенности на лице, что все разъяснится в два слова. Но именно эта-то развязность и уверенность с первого же взгляда предубедили малоопытного юриста, который принял их за игру, фальшь, наглое комедианство и подумал: «Меня этим не проведут!» – и строго и внушительно начал задавать свои вопросы.

Сперва требовалось исполнить обычные формальности: записать звание, имя, отчество и фамилию, чин, место служения, был ли судим. Затем уже начался допрос:

– Вы хорошо знакомы с графом Козел-Горским, известным спортсменом?

– Вовсе незнаком, – ответил Лагорин.

– Вот как. Но все-таки вы, может быть, слышали когда-либо это имя?

– Как же, слышал.

– Стало быть, лично вы с графом незнакомы. Но, может быть, вы с ним когда-либо виделись, имели какое-нибудь дело?

– Никогда и дел не имел.

– Странно! Но что именно вы слышали о графе? – продолжал следователь, начиная иронически и недоверчиво улыбаться.

– Я слышал, что граф Козел-Горский богат, что он содержит удивительную скаковую конюшню; говорят, он очень добр и чрезвычайно щедр.

– Хорошо-с. Итак, на первый мой вопрос вы отвечаете, что графа Козел-Горского вы лично никогда не знали, дел с ним никаких не имели, а только слышали от сторонних лиц о его богатстве и щедрости. Так прикажете понимать ваше показание? Да? А лошадей вы графу не продавали?

– У меня их и не было никогда.

– Ну-с, а откуда или через чье посредство вы провели об учете векселей почетным гражданином Герасимом Онуфриевичем Онуфриевым?

– Он сам пришел ко мне.

– Ого! Как же это он сам к вам пришел, без зова, без знакомства? – и следователь придал выражению своей насмешливой улыбки еще немного горечи. Он пристально всматривался в лицо обвиняемого, потом слегка покачал головою с видом особого сожаления и продолжал: – Что же, могу я узнать, как, зачем, с какою целью, по какому поводу пришел к вам почетный гражданин Герасим Онуфриевич Онуфриев?

– Он пришел спросить меня, не желаю ли я занять денег под вексель?

Этот ответ показался молодому следователю прямо-таки до глупости наглым. Возможно ли допустить подобную нелепость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.